

ТРУД КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ*

А. М. Положенцев

Для современной традиции труд является принципом феномена *человек*. Наши представления о труде, как источнике социальных благ, основаны на новоевропейской метафизике субъекта как несомненном основании подлинных истин. Труд является одной из таких истин. Хотя в историческом и этнологическом планах такое отношение к труду отнюдь не является универсальным. В статье будет рассмотрен феномен труда в двух аспектах: культурно-антропологическом и метафизическом. Культурно-антропологическая экзегеза понимает труд как призвание человека, как искупление, как способ спасения человека. Но труд как элемент аскезы имеет скорее дисциплинарную и нравственную основу, чем экономическую. Новоевропейская метафизика рассматривает труд как самореализацию субъекта и как способ достижения им целей разума как такового (благая и достойная жизнь). Максиму «познай себя» она прочитывает как поиск себя в профессии.

Труд с точки зрения современной метафизической и научной традиции (что, в общем-то, одно и то же) видится единственным подлинным основанием существования вида *человек*. На этом стоит не только современная политическая экономия, но и метафизика человека, для которой труд имеет тотальный и антропогенный характер, является настоящим *архэ*, принципом феномена *человек*. Теория происхождения человека также охотно использует это основание, и всевозможные идеологические конструкции, как религиозного, так и революционного толка, причисляют трудолюбие к числу самых ценимых добродетелей¹. И Библия, и Маркс с Энгельсом, и Гегель, и Ницше, и Фрейд, и Вебер будут единодушны в высокой и важной оценке роли труда в истории человечества.

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-03-00505).

¹ «Работать хорошо, – говорил мне один информант, работающий почти без выходных по 14 часов в сутки, – и волю Аллаха исполняешь, и тело здоревает, и родителям помогаешь, и с людьми общаешься».

Труд «вмонтирован» в человека, врожден в него, составляет его сущность еще более коренным образом, чем, допустим, пол, или раса. Относительно этого феномена нет «белых» и «черных», нет мужчин и женщин, «нет ни эллина, ни иудея». Мы выросли в труд, как тыква вырастает в стеклянный сосуд, и нас уже не выпустишь «на волю»: человек без труда умрет, как цветок без воды. Труд, если угодно, наша судьба, независимо от того, считаем ли мы его проклятием или даром.

Трудность чисто теоретического толка здесь возникает с тем, к какому роду феноменов его причислить: труд – это природа или культура? Социальный фактор, или биологический? «Естественный человек» не приспособлен трудиться на фабрике², но и не проживет, если вообще не будет работать. Здесь, как с языком: кажется, что речь идет о чисто социальном феномене, но ведь сам язык, которым мы произносим слова, это орган нашего тела. Также обстоит дело с рукой человека: она выросла, следовательно, она природный фактор. С чисто рассудочной точки зрения, так мы просто начинаем путаться в собственных абстракциях, каковые в данном случае порождены парой «природа/культура». С исторической – мы не в силах определить, когда одна абстракция начинает вытекать из другой (культура из природы), и не являются ли они на более глубоком уровне чем-то одним. А с метафизической – ответ на данный вопрос возможен исключительно в случае выхода за пределы истории и за пределы рода «человек». В книге Бытия (Быт. 2, 17–19) трудом Бог наказывает человека за грехопадение («в поте лица твоего будешь есть хлеб»), изгоняя его из Эдема. То есть, и здесь труд ставится

² Это – отдельный и весьма распространенный в этнографической литературы сюжет: местные аборигены, по свидетельству этнографов, чиновников и миссионеров, ленивы, потому что не желают работать на заводах колонистов, и не подозревают о своей нищете, поскольку считают себя зажиточными людьми, хотя у них нет ни пени. Но речь должна идти о более сложных социальных практиках, включающих образование, терпеливость, усидчивость, умение сосредоточиться, просто возможность высидеть урок продолжительностью в 45 минут и т. д. Требуется глубинная перестройка личности и желание заниматься этой перестройкой.

ТРУД КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ*

А. М. Положенцев

Для современной традиции труд является принципом феномена *человек*. Наши представления о труде, как источнике социальных благ, основаны на новоевропейской метафизике субъекта как несомненном основании подлинных истин. Труд является одной из таких истин. Хотя в историческом и этнологическом планах такое отношение к труду отнюдь не является универсальным. В статье будет рассмотрен феномен труда в двух аспектах: культурно-антропологическом и метафизическом. Культурно-антропологическая экзегеза понимает труд как призвание человека, как искупление, как способ спасения человека. Но труд как элемент аскезы имеет скорее дисциплинарную и нравственную основу, чем экономическую. Новоевропейская метафизика рассматривает труд как самореализацию субъекта и как способ достижения им целей разума как такового (благая и достойная жизнь). Максиму «познай себя» она прочитывает как поиск себя в профессии.

Труд с точки зрения современной метафизической и научной традиции (что, в общем-то, одно и то же) видится единственным подлинным основанием существования вида *человек*. На этом стоит не только современная политическая экономия, но и метафизика человека, для которой труд имеет тотальный и антропогенный характер, является настоящим *архэ*, принципом феномена *человек*. Теория происхождения человека также охотно использует это основание, и всевозможные идеологические конструкции, как религиозного, так и революционного толка, причисляют трудолюбие к числу самых ценимых добродетелей¹. И Библия, и Маркс с Энгельсом, и Гегель, и Ницше, и Фрейд, и Вебер будут единодушны в высокой и важной оценке роли труда в истории человечества.

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-03-00505).

¹ «Работать хорошо, – говорил мне один информант, работающий почти без выходных по 14 часов в сутки, – и волю Аллаха исполняешь, и тело здоровеет, и родителям помогаешь, и с людьми общаешься».

Труд «вмонтирован» в человека, врожден в него, составляет его сущность еще более коренным образом, чем, допустим, пол, или раса. Относительно этого феномена нет «белых» и «черных», нет мужчин и женщин, «нет ни эллина, ни иудея». Мы выросли в труд, как тыква вырастает в стеклянный сосуд, и нас уже не выпустишь «на волю»: человек без труда умрет, как цветок без воды. Труд, если угодно, наша судьба, независимо от того, считаем ли мы его проклятием или даром.

Трудность чисто теоретического толка здесь возникает с тем, к какому роду феноменов его причислить: труд – это природа или культура? Социальный фактор, или биологический? «Естественный человек» не приспособлен трудиться на фабрике², но и не проживет, если вообще не будет работать. Здесь, как с языком: кажется, что речь идет о чисто социальном феномене, но ведь сам язык, которым мы произносим слова, это орган нашего тела. Также обстоит дело с рукой человека: она выросла, следовательно, она природный фактор. С чисто рассудочной точки зрения, так мы просто начинаем путаться в собственных абстракциях, каковые в данном случае порождены парой «природа/культура». С исторической – мы не в силах определить, когда одна абстракция начинает вытекать из другой (культура из природы), и не являются ли они на более глубоком уровне чем-то одним. А с метафизической – ответ на данный вопрос возможен исключительно в случае выхода за пределы истории и за пределы рода «человек». В книге Бытия (Быт. 2, 17–19) трудом Бог наказывает человека за грехопадение («в поте лица твоего будешь есть хлеб»), изгоняя его из Эдема. То есть, и здесь труд ставится

² Это – отдельный и весьма распространенный в этнографической литературы сюжет: местные аборигены, по свидетельству этнографов, чиновников и миссионеров, ленивы, потому что не желают работать на заводах колонистов, и не подозревают о своей нищете, поскольку считают себя зажиточными людьми, хотя у них нет ни пени. Но речь должна идти о более сложных социальных практиках, включающих образование, терпеливость, усидчивость, умение сосредоточиться, просто возможность высидеть урок продолжительностью в 45 минут и т. д. Требуется глубинная перестройка личности и желание заниматься этой перестройкой.

на самой границе земного существования человека и выносятся за пределы врожденной необходимости: «И выслали его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 2, 23). Здесь труд есть феномен семиотического и религиозного порядка: человек взят из земли и обработкой ее расплачивается за свое существование. Труд понимается как принцип человека, в качестве его онтологического начала, архэ. Если мы говорим «человек», мы подразумеваем «труд» (конечно же, наряду с другими философскими категориями, такими как: мышление, свобода, самосознание, нравственность, которые зачастую в философских концепциях оказываются метафизически связанными), когда мы произносим слово «труд», мы имеем в виду «человеческий». Но вот именно здесь и стал возможным переход от «человеческого труда» к «труду как таковому» (как и в случае с переходом от человеческого мышления к разуму как таковому, у Канта, например, когда он говорит об устройстве мышления не только человека, но и «любого разумного существа», как «Бога», так и инопланетянина). Понятие труд (работа) становится не только основным принципом социальной и биологической жизни человека. Трудятся теперь и Бог, и ангелы, и животные, и стихии. Вся эмпирическая часть вселенной («механика») может быть представлена как энергия, или как работа (произведение силы на расстояние; символом **A** в физике обозначается работа, аббревиатура немецкого слова Arbeit). Сводимость друг к другу и выводимость друг из друга физических величин, их тотальная конвертируемость выходит из того же метафизического принципа, согласно которому конвертируемы все ценности мира, все валюты и все труды человеческие (и нечеловеческие). Не только работа адвоката, психоаналитика, священника может быть сравнена с усилиями рабочего на фабрике или станка на заводе, можно вычислить работу осла, перевести в киловатты и рубли течение реки, дуновение ветра, приливы и отливы, горение нефти, спирта, Солнца. Так что труд отныне не только основа человеческого общества, но и всеобщий космологический принцип.

Наши представления о труде, как источнике социальных благ, не только материальных, основаны, прямо или косвен-

на самой границе земного существования человека и выносятся за пределы врожденной необходимости: «И выслали его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 2, 23). Здесь труд есть феномен семиотического и религиозного порядка: человек взят из земли и обработкой ее расплачивается за свое существование. Труд понимается как принцип человека, в качестве его онтологического начала, архэ. Если мы говорим «человек», мы подразумеваем «труд» (конечно же, наряду с другими философскими категориями, такими как: мышление, свобода, самосознание, нравственность, которые зачастую в философских концепциях оказываются метафизически связанными), когда мы произносим слово «труд», мы имеем в виду «человеческий». Но вот именно здесь и стал возможным переход от «человеческого труда» к «труду как таковому» (как и в случае с переходом от человеческого мышления к разуму как таковому, у Канта, например, когда он говорит об устройстве мышления не только человека, но и «любого разумного существа», как «Бога», так и инопланетянина). Понятие труд (работа) становится не только основным принципом социальной и биологической жизни человека. Трудятся теперь и Бог, и ангелы, и животные, и стихии. Вся эмпирическая часть вселенной («механика») может быть представлена как энергия, или как работа (произведение силы на расстояние; символом **A** в физике обозначается работа, аббревиатура немецкого слова Arbeit). Сводимость друг к другу и выводимость друг из друга физических величин, их тотальная конвертируемость выходит из того же метафизического принципа, согласно которому конвертируемы все ценности мира, все валюты и все труды человеческие (и нечеловеческие). Не только работа адвоката, психоаналитика, священника может быть сравнена с усилиями рабочего на фабрике или станка на заводе, можно вычислить работу осла, перевести в киловатты и рубли течение реки, дуновение ветра, приливы и отливы, горение нефти, спирта, Солнца. Так что труд отныне не только основа человеческого общества, но и всеобщий космологический принцип.

Наши представления о труде, как источнике социальных благ, не только материальных, основаны, прямо или косвен-

но, на новоевропейской метафизике субъекта как несомненном основании подлинных истин. Труд является одной из таких истин. И нас вполне удовлетворяет такое положение дел, и мы готовим себя к труду как к главному содержанию жизни. Хотя в историческом и этнологическом планах такое отношение к труду отнюдь не является универсальным. Хотя и трудятся все народы и все культуры, идеология (миф, предание, социальные практики и интерпретации их) труда несет зачастую отрицательное определение его.

Мы не собираемся трогать экономических истин. Мы рассмотрим труд в двух аспектах: метафизическом и культурно-антропологическом. Какая культурная реалья стоит за этим понятием? Новоевропейский субъект находится внутри довольно старинной для него традиции, которую он исправляет и в которой сомневается («Библия и Аристотель»). Труд мыслится как важнейшее земное дело человека, как его обет перед Богом. Эта экзегеза (рассказ о грехопадении) находит свежее прочтение в протестантской теологии (где он из наказания превращается в наслаждение), откуда и попадает в экономическую науку. Труд понимается как призвание человека, как искупление, как возвращение в рай. Или – как соработничество Богу, состроительство Царства Небесного (св. Августин). Однако труд как элемент аскезы имеет скорее дисциплинарную и нравственную основу, а не экономическую. Экономически труд осмысляет гетевский Фауст (переводивший, кстати, *логос* как «дело»). У Макса Вебера приводится достаточное количество примеров, в которых подчеркивается экономическое измерение благодати в протестантских сектах. Фауст, конечно, протестант, и знает об экономическом измерении благодати и о том, что божественность человека проявляется в созидании, отождествляемом с трудом. Но, наслаждаясь стуком лопат, Фауст не ведает, что этими лопатами роют его могилу. Труд здесь, можно сказать, секуляризируется, а видимая сторона для ослепшего Фауста (для Шпенглера Фауст – архетип западного человечества), то, что происходит «на самом деле», в мире сакральном, остается не просто неведомым, но перевернутым. Полагая, что руководит постройкой земного рая, он впустил в свои дела силы, противные все-

му благому. Однако за пределами нашего внимания остается труд до процесса секуляризации. Из чего он обмирщается? Что, какая деятельность, какой феномен стоял до этого обмирщения?

Классические аскетические христианские системы рассматривают труд как практику смирения и богопознания, главным делом считая обожение, теозис, как дисциплину, помогающую приготовить душу к встрече с божественной реальностью, а не как действительно созидательную деятельность. Труд есть дело нравственное, искупительное, а не экономическое. Труд понимается и принимается через страдание. Мы же расцениваем труд как деятельность, стоящую по ту сторону нравственности. «Как профессионал», «ничего личного», это мой бизнес. В классификации Канта труд и его приложение можно отнести к области гипотетических императивов. Мы должны делать таким образом для того, чтобы получить такой результат. Например, довести воду до кипения, прежде чем сварить суп. В крайнем случае, к императивам благоразумия (известные примеры Канта с торговцами, вынужденными торговать честно ради клиентуры). Однако в обоих случаях наша деятельность не будет относиться к области нравственности.

Классики экономической мысли определяют труд как «потребление рабочей силы»³, как «целесообразную деятельность для создания потребительных стоимостей, «присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни»⁴. Интересная антропологическая конструкция приводится в примечании 9 на с. 195 «Капитала»: «полковник Торренс в камне дикаря открывает начало капитала. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 188.

⁴ Там же. С. 195.

образом открываем начало капитала» (*R. Torrens. «An Easay on the Production of Wealth etc.»*, p. 70, 71). Существованием этой первой палки [stock], надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке «stock» есть синоним «капитала». В дальнейшем труд оказывается важнейшим антропогенным фактором становления человека, разделения функций конечностей, формирования органов речи, деятельности головного мозга, развития познавательных способностей... Данной философеме хочется противопоставить мифологему, согласно которой труд является наказанием и свидетельством падения человека.

Если мы обратимся к этимологии русского слова труд, то мы увидим, что здесь на первый план выходит момент нравственный и религиозный. Труд связан не с производством, а с трудностью, с дисциплиной, со страданием и даже с болезнью. Не целесообразность и не прибавочная стоимость. У Даля читаем: труд есть «работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряжение телесных или умственных сил; все, что утомляет»⁵.

Словарь церковно-славянского языка круг значений слова *трудъ* отождествляет с греч. *κόπος* и определяет как *страдание, мучение, болезнь, беспокойство, горе, тяжесть, трудное положение, орудие для разрушения, рычаг, труд, подвиг, восстание, сопротивление, ристалище, зло, болезнь* (водный труд – водная болезнь). Глагол **труждати** – в первую очередь *смущать, беспокоить, досаждают*, и уж затем *трудиться (заниматься работою)*. Соответственно, **труждающиеся** – это «люди, обрекавшие себя на служение при храме»⁶.

Эта «сакральная печать», лежащая на идеологических коннотациях феномена труда, характерна не только для мифологических и религиозных воззрений. У Маркса труд является не только понятием политэкономии, но и фундаментальной онтологической категорией, своеобразным *архэ* исторической действительности. Труд здесь получает имплицитные предикаты, которые с помощью аналитических суждений по-

⁵ *Даль Вл.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 436.

⁶ Полный церковно-славянский словарь / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М., 1993 (репринт). С. 736 и сл.

лучают статус всеобщих. Так, стоимость включена в само понятие труда подобно тому, как существование было включено в понятие Бога в онтологическом доказательстве. Однако, помимо метафизических признаков сакрализации, нам бы хотелось указать на риторические и на те, которые можно было бы отнести к области поэтики. Труд в «Капитале» описывается как «вечное естественное условие человеческой жизни»⁷ (курсив в цитатах здесь и далее мой. – А.П.); он «должен охватить эти вещи (предметы труда. – А.П.), воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие...»⁸; «веществу природы он сам противостоит как сила природы»⁹.

Безусловно, что труд является товаром. Однако, как трансформировалось само содержание понятия товара со времен Маркса, так же и изменилось современное содержание труда как товара. Товар уже давно не несет в себе все те характеристики, которые в него вкладывали политэкономисты классических времен. Эти изменения порождены изменением понятия потребности. Наши вещи давно не служат удовлетворению тех потребностей, которые Маркс и биологи называли экзистенциальными (есть, пить, одеваться). Быть может, что таковых в чистом виде никогда и не было. Это чисто коммунистическая идея (вспоминается Умрищев из «Ювенильного моря», который «ничем теперь не брезговал, поскольку все на свете состоит из электронов»), что потребности могут быть лишены всего культурного, эмоционального и этического характера и выражать некую чистую «правду бытия». По крайней мере, этнографические и культурные документы не дают нам такого общества. Но оно отлично представлено в различных (анти)утопических источниках. Только попадая в противоестественные условия или в силу патологии человек удовлетворяет потребность в чистом виде. Но, в отличие от больного, заключенного и преступника, пролетарий сознательно выбирает такой способ существования.

⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 195.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 188.

Труд, его возможности, его палитра и ассортимент, так сказать, подвергнут той же тенденции преобразований, расширения, что и пресловутые потребности и виды товаров. Диоген любил бродить по афинскому рынку, восклицая, сколько на свете ненужных вещей. Сенека говорил об избытке книг, которые он не только никогда не прочтет, но и не станет читать. Подобному процессу подвержены и виды трудовой деятельности. Творчество, известное в его современном варианте под именем «креатив», коснулось и видов трудовой деятельности. С одной стороны, мы имеем дело с феноменом, известным в экономике под именем разделение труда. Однако в данном случае важным стал уже не труд, а разделение. Разделение стало принципом поиска нового вида трудовой деятельности. На нее вы, как изобретатель, имеете приоритетные права, и вы уже продаете не продукт труда, а сам труд является продуктом. То есть, труд стал одним из видов бизнес-идей, способной приносить стабильный доход не столько работнику, воспользовавшемуся этой идеей, сколько владельцу идеи. Хозяин труда стал капиталистом.

Этот поиск вида труда как бизнес-идеи имеет, впрочем, более глубокие социальные корни. В этой форме поиска воплощается новоевропейская (и, быть может, христианская) идея уникальности личности и еще более древней идеи, античной, поиска (познания) самого себя. «Познать себя», «найти себя», прийти к «истинному я», к «новому человеку», «обрести в себе божество» – все эти идеи возникают на заре новой эры в философских школах и получают своеобразное развитие в околорелигиозных сектах (не только христианских, можно указать на секту терапевтов), для описания которых требуется специальное исследование, здесь же мы лишь укажем на возможность подобной интерпретации данных видов практик. Макс Вебер показал связь христианской идеи спасения с новоевропейским отношением к капиталу. Мы же можем указать на связь идеи поиска себя с трудом, трудовой деятельностью. Поиск себя подчинен особой дисциплине, поиску «таланта», который нельзя «зарывать в землю», иначе хозяин таланта (крупной денежной единицы) накажет нерадивого слугу, не пустившего талант в рост (Мф 25; 14–30). Максима

«найди себя», сменившая максимум «познай себя», «заботься о себе» или «спаси себя» разворачивается на новом поле. Современная личность озабочена поиском себя не менее чем христианин спасением души, а в экзистенциальном плане по важности эта «практика себя» стоит на одном из первых мест. Здесь стоит упомянуть, что в русском языке слово «профессия» было синонимично слову «призвание» (видимо, здесь сыграло роль влияние немецкого языка, где «das Beruf», слово, означающее «призвание» в религиозном смысле («и призвал Господь Авраама»), стало использоваться для обозначения профессиональной деятельности). Выбор профессии это не только социальная и экзистенциальная задача молодых людей и их родителей, сама возможность этого выбора демонстрирует наличие свободы в мире. Свобода есть, согласно Канту, единственная ноуменальная вещь, о существовании которой мы можем знать доподлинно. Таким образом, наличие выбора решает и важную метафизическую проблему. Но, помимо этого, наличие выбора профессии означает освобождение от сословной и цеховой зависимости, социальная свобода (согласно Марксу, это освобождение от собственности ради свободы продавать свою рабочую силу на фабрике) и социальная мобильность создают условия для нового типа социальных отношений, в которых все усилия данного поиска сводятся к поиску экономического приложения себя. Отсюда понятно, почему «Arbeit macht frei». Этот поиск себя в экономическом плане соединен с идеей уникальности личности и уникальности ее места в мире, чего, казалось бы, не должно быть в случае, если в нашем проекте стоит цель построения действительно эффективной социальной или экономической машины. Все утопии об этом. Созданию идеального общества, армии, компании всегда мешает «человеческий фактор», принцип индивидуации. Но дело в том, что машина не работает без человека. Машина лишь средство для усиления экзистенции и ее сил. Машина новоевропейской мыслью понимается как протез человека. К машине всегда должен быть приложен человек, приложена свобода, приложен выбор, самосознание, разум, воля. Другими словами: для эффективной системы нужно создавать не механизмы, а личность. Здесь,

если угодно, парадокс современной личности. Чем более механизирована социальная и природная реальность (а механизация социального поля развивалась после механизации природы), тем в большей степени личным должен быть человек. Повторюсь, какую важную роль играли философские школы античности и христианские институты исповеди в повышении «степени» личности. Если с античными школами дело обстоит более или менее понятно, то с христианской теологией и культом не все так прозрачно. Отметим здесь только то, что в христианской догматике было разработано современное понятие личности (лицо, *ἡ ὑλοστασις*, заменившей традиционное античное (*τὸ πρόσωπον*, маска), и что институтом исповеди культивировался с помощью анализа мотивов и поступков рефлексивный тип самосознания, а также то, что категория свободы была важнейшей для христианской социальной этики (уточним, что речь идет не только и не столько о внутренней свободе, сколько о свободе в гражданском, социальном и даже экономическом плане). В этой части христианство выступает не как результат трансцендентальной иллюзии, не как продукт социального воображения, а как практическая (этическая) система, решающая общие метафизические задачи.

Отмеченная выше сакрализация и (простите) метафизикация труда, в том числе в марксизме и протестантизме, приводит к тому, что труд мыслится как тотальный прафеномен, уже нет выхода из труда, нет праздности, нет *sacra*, по отношению к которому труд был бы профанным. Труд теперь и есть *sacra*, он всеобъемлющ, как бог, как природный принцип. Праздность и досуг теперь лишь виды трудовой деятельности. Нью-Йорк, символ торжества труда – «город, который никогда не спит», можно было бы назвать «городом, который никогда не отдыхает». Сам праздник теперь это повод потрудиться, только уже в индустрии развлечений. Античность знала праздность как условие сохранения, во-первых, истины, а также чести, достоинства, славы, ну, и государственного порядка, поскольку именно досуг давал возможность, не зарабатывая кусок хлеба тяжелым трудом вести жизнь теоретика и политика. В общем, пролетарий и крестьянин никогда не могли стать носителями истины. И здесь все понятно. Кстати, конечно, такое устрой-

ство принято считать в какой-то степени универсальным. Истина открывается субъекту, а субъект понятие классовое. Но вот как быть с современным политиком (и чиновником тоже)? Почему он, по определению относясь к этому самому праздному классу, так и не соприкасается с истиной, и даже не заинтересован в ее сохранении, а даже, пожалуй, наоборот, стремится ее если не уничтожить, то, по крайней мере – скрыть? И имеет ли он отношение к праздному классу? Может быть, он хуже пролетария? «Я пахал четыре года по 25 часов в сутки», жаловался один из наших недавних президентов. Чиновники рангом поменьше пашут по 23, 22 часа и т. п. Явно, что этот праздный класс не совсем празден. А точнее, он под праздностью понимает нечто иное, чем грек или индус, чем философ или политик. Те были праздны ради истины и добродетели, эти используют власть как средство достижения состояния истинной праздности, праздности, погруженной в самое суету сует. Это тяжкий труд, наполненный знаками праздности. Комфортом, которым ты не можешь насладиться, а главное, воспользоваться для тех целей, для которых он был лишь средством. Это – воплощенная праздность, заполненная до отказа свидетельствами праздности. И, как свидетель, современный ценитель и хранитель праздности одновременно является и мучеником праздности. Но это уже праздность экзистенциальная. Представители такого праздного класса категорически отказываются решать какие-либо вопросы, связанные с истиной, в этом и заключается суть праздности, которую дает власть. Всякий, ведущий тяжбу с бытием, дурак и бездельник. Лучше бы съездил на Канарские острова, сходил в ночной клуб и пр. Современный тип власти дает новый тип праздности, который освобождает от вопросов, ради которых создавалась сама возможность праздности.

Однако эти знаки праздности есть свидетельства огромного труда, затраченного на их создание. В цене, в статистике общественных благ учитываются не уничтоженные ценности (как в потлаче), а созданные. Норма прибыли в индустрии развлечений может во много раз превосходить норму прибыли в производстве. Театр уже поражает не постановками, а суммами средств, потраченных на его реконструкцию или строи-

тельство. Карнавалы, спортивные игры, ток-шоу работают по принципу больших корпораций. Современный человек не в силах забыть про труд. Когда он не работает, он занимается хобби, «творчеством» или благотворительностью. Любая трата государственного уровня, вплоть до выборов, оправдывается в первую очередь созданием рабочих мест, а не какой-либо иной целесообразностью.

Ното оесопотіс по-прежнему озабочен вопросами воли. Только теперь это не вопрос анимации мира, творения, свободы воли. Это вопрос собственности. Вложенного в вещи и реализованного желания обладания.

Почему новоевропейская социальная мысль берет это желание в качестве фундаментального? Что в нем естественного?

В этом типе существования человек обретает себя. Поиски заканчиваются. Блужданиям конец. Буржуа купается в природе и забывает всю свою антропологию (все частные случаи разумности).

Он находится в абсолютной точке бытия и полагает, что тем самым имеет право на абсолютную власть. Власть собственно и есть желание обладания. И вот, человек теперь от «привычных» и приличных форм бытия приходит к неприлично-абсолютным. Это касается как его взаимоотношений с другими культурами, так и с другими существами. Эти формы строятся даже не на страхе смерти («абсолютный господин» Гегеля), а на самой смерти, точнее, на рассудочном уничтожении (=рачительном использовании).

Из этой точки он видит себя успешным по той причине, что он много трудится, а другие формы – нет. Он познал труд как некое чудесное приложение к бытию, нарушающее законы сохранения. Он видит мир трансцендентным, открытой системой. В закрытой системе его труд ничего не значит в общем ходе вещей. Судьба, доля, боги внутри мира, блюдут его внутреннюю справедливость и гармоничность. Они перекладывают с одной чаши на другую, чтобы мир пребывал в равновесии. Чтобы никто не заедал чужой доли. Мир же как открытая система черпает избыток из ниоткуда. Буржуа (не путать с предпринимателем, с которым тот себя готов отождествлять: предприниматель есть некая структурная проти-

воположность буржуа; буржуа знает себя как идеального потребителя, человека, у которого есть вкус, который понимает, что значит потреблять; да, его пестует предприниматель, но как свою противоположность, как свой продукт) мнит себя источником истинных желаний и прав на власть.

Труд противоположен не досугу. Досуг также лишь обозначается как «свободное время». Свободного времени уже нет. Труд (по сути – «занятость») противоположен безработице (обозначению отсутствия труда). Безработица (благо с позиции биоса), является (знаком) социального зла. Она стихийна и неуправляема. С ней нужно бороться, как со всяким социальным злом. Эта борьба благородна, и она искупает прочие социальные браки. Если труд есть наказание, то безработица есть наказание в квадрате. Она знаменует полную бессмысленность постсоциальной личности. Та хватается за работу как за последнюю метафизическую соломинку, как за трансцендентальный мостик к осмысленному существованию, к миру смыслов. Конечно, сначала этот мир был богом человека. Но Бога «убрали» профессиональные философы. Человек остался один, и труд перестал что-либо значить. Суть момента в том, чтобы переконструировать человека в субъекта, то есть в существо сетевое и стандартизированное. В первую очередь классификации и перестройке подвергается сфера потребностей, во вторую – способностей (потенций). Труд (способности) и потребности находят друг друга как свои негативы.